

Марко Вовчок

Маша

(Посвящается С. Т. Аксакову)

Русские повести XIX века 60-х годов. Том первый

М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Не родись ты пригож, а родись счастлив, говорят, и правду говорят истинную! Меня в молодости красавицей величали, а счастье-то мое какое? Ох, много я извела на своем веку! Муж у меня был буйный, грозный... А сестра из себя невзглядная была и слабая такая, хилая, худенькая, да талан ей бог послал: муж в ней души не чаял, и деточки росли... Бывало, как приедет мой хмельной да разбушует, выгонит меня -- хоть на дворе мороз трещи, хоть дождь лей: ему нипочем, не пожалеет, -- я подойду к сестриному окошечку, постою, погляжу... Сидит она с мужем, говорят себе любовно, тихо у них да согласно... Слава богу, подумаю, что хоть сестрице моей талан вышел. Бывало, и не зайду к ним, не покажусь: что их собою печалить! Ведь догадаются, с какой радости поздним вечером брожу.

И вот сестра-то моя, живучи и в приволье и в любви, все чахла да чахла... Настанет весна, свежая травка пробивается, ручьи журчат, солнышко блещет -- людям дышится вольнее, а она сляжет: грудь болит, кашель ее душит... да все еще подержалась бы она, может, на свете, если бы не помер муж... Ездил он за дровами в ненастье; приехал -- захворал да на пятый день богу душу отдал... Схоронила его сестра и сама красного лета не дождалась.

Перед смертью она и говорит мне: "Сестра! вот я умираю,-- будь же ты в моем доме хозяйка, моим детям мать... И им будет лучше, и тебе веселее; ведь и ты сиротеешь одинокою".

А я тогда уж вдовой была.

Распродала я кой-какие пожитки свои, да и перешла к сестриным детям. После нее двое осталось: сынок и дочка. Сын по десятому году остался, дочка по четвертому. Добрые были деточки, спасибо им! Отроду мне виду косоного не показали, слова грубого не слыхала от них, покоили меня, почитали. Взрастила я их, взлелеяла, и стали они мне что родные дети.

II

Брат и сестра, а не схожи были нравом, уж как не схожи! Федя был мальчик веселый, смирный, покорный, а Маша уж такая своеобычная! такая быстрая, пытливая! Бывало, скажешь Феде: "Федя! голубчик, не делай того или другого! не ходи туды, не говори чего", он покорится охотно: не надо, так и не надо! -- и другим себе займется. А Маша допытываться станет: да отчего? да почему? И свои доводы у ней найдутся, да еще, случается, и меня-то, старуху, с толку собьет, что я виновата выйду, а она права. И ко всему-то Маша прислушивается, все замечает, все проведает; что ты ни спроси -- все слышала, все знает, да еще и обсудит своим умишком детским... Что это за душа у ней была зарная, жилая, неукротимая! Что, бывало, задумала -- уж сделает; захотела чему научиться -- научится. Ну, вот хоть, примерно сказать: пожелалось ей кружево плести. "Где тебе, Маша,-- говорю ей, -- ручонки-то у тебя какие?" А ей всего седьмой годок пошел. Она все просит: "Покажите, научите!" Я показала ей. Сидела моя девочка почитай что с неделю, путала, просто не ела, не пила, пока не выучилась. Подходит, мне показывает, а глазенки-то так и сияют, так и бегают. Я беру усмехаючись, глянула, -- диву далась: ведь выплела кружево ровно, славно. И вот так-то во всем, бывало, своего добьется. А с виду тихая и не речистая.

Вот пошел Маше седьмой годок... Случись мне с Федей в город поехать, того, другого припасти надо было; еду, да и наказываю Маше: "Смотри, Маша, никуда не отлучись из дому; жди нас, гостинца привезем". Она обещалась. А слово у нее даром что детское, да верное, -- я спокойно себе отъехала.

Пока мы огляделись, пока закупили, воротились домой поздним вечером; в избу вошли -- Маша